
Марина Ветрова ✦ Екатерина Свет
Измена мужа.
Ты украл мои полёты
ради любовницы,
но сам остался на земле!

Екатерина Свет

Измена мужа. Ты украл мои полёты ради любовницы, но сам остался на земле!

«Автор»
2026

Свет Е.

Измена мужа. Ты украл мои полёты ради любовницы, но сам остался на земле! / Е. Свет — «Автор», 2026

Я десять лет любила мужа и доверяла лучшей подруге. Мы вместе поднимались в небо, пока однажды она не объявила о беременности. От моего мужа!Но измена оказалась только началом. Пока я строила карьеру пилота, они подделывали мои лётные документы, забирали мои рейсы и готовили моё отстранение.Меня лишили работы, дома и репутации. Они думали, что я сломаюсь.Но Фарид, влиятельный хозяин авиакомпании, предложил мне шанс вернуть своё небо.Теперь бывший муж готов встать передо мной на колени. Любовница боится разоблачения. А я собираюсь доказать: предателей ждёт земля, а меня — высота, свобода и новая любовь.

© Свет Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Правая рука 5
Глава 2. Живот под курткой Леры 8
Глава 3. Квартира не моя 11
Глава 4. Отстранена 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Марина Ветрова, Екатерина Свет Измена мужа. Ты украл мои полёты ради любовницы, но сам остался на земле!

Глава 1. Правая рука

Молния била прямо в лобовое стекло — я видела её свечение сквозь ливень и слышала, как трещит статическое разряд в наушниках. Правая рука Леры лежала на секторе газа ровно, послушно, как всегда за шесть лет совместных полётов. Я не смотрела на неё — я смотрела на приборы.

«Держим глиссаду, — сказала я. — Ветер шесть метров справа, на посадке дадим крен. Не дёргайся».

«Я не дёргаюсь», — отозвалась Лера, и в её голосе была та самая милая усмешка, с которой она когда-то, в первый год училища, попросила у меня конспект по метеоминимумам. Я тогда дала. Я вообще ей всё давала.

Борт выровняло на ста метрах. Дворник швырял воду по стеклу влево-вправо, как сумасшедший метроном. Диспетчер Бахрейна выдал разрешение на посадку — голос усталый, в эфире у него сегодня вся таблица стояла из-за грозового фронта.

«Наша полоса, красавица», — сказала я и сама почувствовала, как растянулись губы. Десять лет летаю, а этот момент — касание — всё равно как первый поцелуй. Руки чувствуют штурвал кожей, всем телом, до позвоночника.

Касание — мягкое, в полосу, с пробегом по мокрому бетону. Реверс взвыл, Лера зачитала чек, я рулила к стоянке под указания следовавшего. Двигатели смолкли по очереди — левый, правый, — и в кабине стало так тихо, что слышно было, как капли барабанят по фюзеляжу.

«Ника, — Лера сняла гарнитуру, встряхнула волосами. — Ты сегодня зверь. Гроза, боковой, а ты её посадила, как на ладонь».

«Ты держала газ, — я кивнула на её руку. — Половина — твоя».

«Половина — твоя, командир», — она улыбнулась, и я улыбнулась в ответ, потому что как ещё.

Смотрите, как надо, эскадрилья. Вот как выглядит дружба: двенадцать лет знаем друг друга с лётного училища, шесть лет летаем вместе, одна скамья на все пересдачи, один термос на все ночные ожидания. Марк говорил: «Вы с Лерой — не экипаж, вы сросшиеся». И смеялся своим смехом, от которого сдаются все женщины в радиусе тридцати метров. Все, кроме меня. Мне он просто сдавался — десять лет назад, на танцполе на выпускном, в белой рубашке с закатанными рукавами.

Я стянула ботинки в кабине — ноги отекали после четырёх часов в грозе — и натянула кроссовки прямо там, сидя в кресле командира. Сегодня был день, когда я собиралась сказать Марку новость, которую вынашивала две недели, как секрет.

Меня утвердили на тяжёлый борт. Командиром широкофюзеляжника холдинга. Тридцать один год, а я — самый молодой командир тяжёлого в парке. Об этом пока знали только в отделе лётной эксплуатации, бумага лежала у начальника, подпись ставили завтра. Но я уже видела себя в широком кресле, уже слышала этот другой, более тяжёлый, солидный тон двигателей.

Я вышла на перрон, и вечерний Бахрейн обдал меня духами раскалённого бетона и керосина. Солнце валилось за ангары, красное, огромное. Техник Саид махал мне тряпкой от заправочного пистолета:

«Вероника Владимировна! Слышал, грозу облетали? У нас тут на форме от вашей мокрой громкости пятна!»

«Заявишь на погоду, Саид, — крикнула я. — Со шторма надо взыскивать».

Он заржал, запрокинув голову, — бортехник с руками в солярке и сердцем размером с заправочный рукав. Единственный человек в ангаре, кто всегда встречал меня криком, а не шёпотом. Тогда я ещё не знала, насколько это станет важно.

Лётная столовая холдинга помещалась в длинном одноэтажном модуле за вторым ангаром. Пахло рисом, куркумой и хлоркой от свежевымытых столов. Пилоты сидели компаниями за длинными столами, кто в форме, кто в футболках, у стены телевизор показывал прогноз — оранжевая пиктограмма грозы ползла через весь Персидский залив.

Марк был там. Он сидел боком, закинув руку на спинку стула, и рассказывал что-то курсантам — те ржали в голос, один чуть не подавился лепёшкой. Мой муж. Инструктор, звезда школы, человек, который умеет сделать так, чтобы любая аудитория любила его больше, чем она собиралась.

Он увидел меня — и лицо у него сделалось именно такое, какое мне всегда нравилось: сначала удивление, потом радость, потом эта его кривая ухмылка только для меня.

«Эскадрилья, — сказал он громко, вставая, — молчите. Прибыл командир самого громкого рейса дня».

Курсанты обернулись. Кто-то зааплодировал. Я прошла через столовую, чувствуя на себе взгляды — добрые, завистливые, безразличные, — и он обнял меня, пахнущий гелем для волос и кофе из автомата.

«Ну рассказывай, гроза, — сказал он мне в макушку. — Слышал, метеослужба вас внесла в список стихийных бедствий».

«Марк», — сказала я.

И по тому, как я это сказала, он отстранился и посмотрел мне в лицо. Десять лет вместе — он знает мои интонации. Он испугался на секунду — вот здесь, между бровей, дёрнулась кожа, — а потом взял меня за плечи:

«Что? Говори».

«Тяжёлый, — сказала я. — Меня утвердили. Командиром на широкий. Подпись завтра».

Столовая зашумела — курсанты не притворялись, что не слушают. Кто-то свистнул. Марк секунду смотрел на меня, и я ждала — не знаю, чего именно ждала. Радости за меня, наверное. Той самой, чистой, без примеси. У нас всегда чуть-чуть состязались: его инструкторский оклад против моих чартерных часов, его аудитория против моей кабины. Но сегодня я была выше соревнования. Сегодня я просто хотела, чтобы он обнял меня и сказал: я всегда знал.

Он обнял. Крепко, долго, уткнувшись носом мне в волос.

«Я всегда знал», — сказал он.

И вот тут я, стоя в его руках, посмотрела поверх его плеча через столовую — просто машинально, привычкой человека, который в кабине всегда сканирует небо по кругу, — и увидела Леру.

Она стояла в дверях, в лётной рубашке, расстёгнутой сверху на две пуговицы, прижимала к себе пакет с яблоками и смотрела на нас так, как не смотрят на подругу, обнимающую её мужа.

Она смотрела, как смотрят на то, что принадлежит ей.

Позже, на кухне, разогревая ужин, я поймаю себя на этой картинке и буду вертеть её, как взлётный разбор: секунда взгляда, угол губ, пальцы на пакете. Тогда, сегодня, я просто решила — показалось. Устала. Четыре часа грозы.

«Чудесная, — Марк взял моё лицо в ладони. — Поедим дома. Я приготовлю. У меня есть повод праздновать».

«Какой?»

«Узнаешь, — он подмигнул. — Заедем за вином».

Я тогда ещё не знала, что «повод» — это не про моё повышение. Что повод уже два месяца живёт у нас в гостях в лице лучшей подруги, которая «погостит, пока снимают ей квартиру у школы». Что самое громкое крушение в моей жизни произошло сегодня на земле, в столовой с запахом куркумы, и я всего лишь взлетала к нему.

Я вышла из столовой, и Саид помахал мне тряпкой вслед. Вечер был тёплый, небо над Бахрейном стало фиолетовым, и я подумала: как хорошо, что иногда жизнь поднимается именно тогда, когда тебе кажется, что выше уже некуда.

Глава 2. Живот под курткой Леры

Домой мы поехали не сразу — Марк заехал за «поводом» в цветочный на перекрёстке, купил мне пионов, каких в Бахрейне днём с огнём, и сказал продавщице: «Моей чемпионке». Я сидела в машине и нюхала пионы, и была счастлива той глупой, цельной, дурной счастливостью, которую выдают раз в жизни, на пробу.

«Повод — пионы?» — спросила я.

«Повод — завтра узнаешь», — он бросил взгляд в зеркало.

«Марк. У тебя лицо заговорщика. Ты опять записался на курсы?»

«Хуже, — он рассмеялся. — Гораздо хуже».

Дома он сделал всё как всегда: приготовил пасту, которую умеет только он, поставил свечи — не романтические, а те, от которых у него почему-то умирает вытяжка, — и весь вечер был на подъёме, звонкий, любящий. Я смотрела на него через стол и думала: десять лет, а у меня до сих пор от него мурашки. Кому-то повезло с сердцем, мне повезло дважды — с небом и с ним.

Разбудил меня телефон в шесть утра. Сообщение от Леры: «Завтра в семь — все наши в столовой. Приходи обеими. У меня новость, хочу сказать при своих».

При своих. Это она про нас так говорила — про наш треугольник, который дружил с училища. Я написала: «Сердечко. Приду» — и отправила красный смайлик-сердце, потому что смайлики она любила больше слов.

Марк в эту ночь не спал. Я слышала — он ворочался, вставал, стоял у окна. Я спросила в темноте: «Что с тобой?» — и он ответил: «Зуб ноет». У Марка за десять лет ни разу не ныли зубы.

Столовая в семь утра была полная. Утренний сменный экипаж — чай, лепёшки, гул голосов, телевизор с таблицей вылетов. Лера стояла у раздачи, держа поднос, и была какой-то особенно сегодня нарядной: белая блузка, волосы распущены, хотя в столовой на смене положено убирать. Марк стоял у окна с чашкой и смотрел в перрон.

Я подошла, чмокнула её в щёку. Кожа у неё пахла другим кремом — не тем, которым мы когда-то вдвоём выбирали в дьюти-фри.

«Ну, говори, — я взяла чай. — Напугала меня своим "при своих"».

Лера набрала воздуха. Потом ещё раз. Я вспомнила потом, как она это делала — как перед прыжком в воду, два вдоха, — и как я тогда, за столом, ни о чём не подумала.

«Я беременна», — сказала она.

Столовая не стихла — она притихла волнами, как стихает салон, когда командир берёт микрофон. Ближайшие столы обернулись. Кто-то отложил вилку.

«Лерка! — я заулыбалась, ещё не понимая. — Ты? А он кто? Почему молчала?»

Она смотрела на меня, и глаза у неё были большие, блестящие, — я потом, в разборе, пойму, что это были глаза не счастья. Это были глаза человека, который зашёл на посадку без разрешения.

«Это ребёнок Марка, — сказала она. — Скажи ей, Марк».

И вот здесь мир повернулся.

Я слышала, как в моём ухе что-то звякнуло — тонко, стеклянно, будто лопнула маленькая перегородка. Столовая продолжала жить: кто-то звякал ложкой по тарелке, телевизор бормотал таблицу, кофемашина молола зёрна. А у нас с Лерой, у раздачи, наступила тишина размером с аэродром.

«Марк», — сказала я.

Он повернулся от окна. Он не был удивлён — вот что я увидела первым. Лицо у него было не лицо человека, которого только что застукали. Это было лицо человека, у которого болит живот от ожидания удара, который он сам назначил себе на семь утра.

«Ник, — сказал он. — Дай мне... дай сначала».

«Скажи ей, — повторила Лера тихо. — Ты обещал. Мы договаривались после её рейса. Она села — я сказала».

Он молчал. Он смотрел в пол — в клетчатую серую плитку столовой, между нами, — и молчал так долго, что я успела прожить в этой тишине целую жизнь. Год назад. Три года назад. Все его «задержался на разборе». Все её «я посижу у вас, пока не снимут квартиру, вы же не выгоните». Все выходные, когда она «болела» и он «ездил за лекарствами». Всё сложилось с щелчком, как чек-лист, — один пункт за другим, и в конце страницы стояло: подтверждено.

«Десять лет, — сказала я. Марку. Вслух. — Десять лет, Марк».

«Ник, — он поднял наконец голову, и глаза у него были мокрые, — я хотел сказать. Я правда хотел сказать по-человечески, не так...»

«Не так — как? — я услышала свой голос и удивилась: он был ровный, командирский, тот самый, которым я говорю в грозу. — Как надо сообщать жене, что муж беременен от её второй руки? Есть регламент? Я не в курсе, у нас в документах этого нет».

Кто-то за дальним столом не выдержал — заскрипел стулом и встал, унося поднос. За ним второй. Столовая расходилась, не расходясь: все делали вид, что уходят случайно, и все оставались.

Лера вдруг села на пластиковый стул у раздачи, как кукла, у которой перерезали нитки, и закрыла лицо руками.

«Ника, прости, — она говорила в ладони, голос дрожал безупречно, я потом буду узнавать эту дрожь на каждом развороте моей жизни. — Прости. Мы не хотели. Это как-то... само. Я не спала ночами. Я так тебя люблю».

«Само, — повторила я. — Да. Так всегда и бывает: сами собой подделываются поездки, сами собой снимаются комнаты, сами собой...» — я осеклась, потому что дальше по этому списку можно было идти до вечера.

Я посмотрела на Марка в последний раз — ждала, хоть в этот момент, хоть сейчас, — он шагнул ко мне, протянул руку:

«Пойдём отсюда. Домой. Поговорим».

«Домой, — повторила я. — Хорошее слово. Долетишь туда без меня».

И я пошла через столовую — ровно, мимо столов, мимо молчащих курсантов, мимо распахнутого рта инструктора Джамаля, — и спина у меня была прямая, как перед комиссией по лётным происшествиям. Потому что если уж разваливаться, то не при всех. Не при своей эскадрилье.

У выхода я обернулась. Напоследок. Не знаю зачем — наверно, инстинкт командира: ещё раз окинуть взглядом воздушное пространство, где только что произошло крушение.

Марк стоял посреди столовой, опустив руки. Лера сидела у раздачи, и одна её рука — я увидела это только сейчас, белая, тонкая, — лежала на животе, под расстёгнутой курткой. Живота ещё не было видно. Но она уже держала его напоказ, как удостоверение.

И по проходу между столами, расталкивая подносы, ко мне бежал Саид — бортехник, у которого, оказывается, тоже было сердце.

«Вероника Владимировна, — сказал он сдавленно, отирая руки о спецовку. — Я... это... Вы к нам, в ангар. Поешьте. Мы там чайник завели».

Я не заплакала в столовой. Я заплакала в ангаре, за железным ящиком с запчастями, в обнимку с кружкой чая из грязного стакана, пока Саид стоял рядом и молчал, как умеют молчать только большие добрые мужики.

Через стекло ангарных ворот я видела перрон. По нему, маленький, шёл к стоянке Марк — ссутуленный, с опущенной головой. Идти ему было некуда: не домой, потому что дом наш записан не на меня.

Впрочем, об этом я узнаю завтра. Сегодня мне хватало.

Глава 3. Квартира не моя

Три ночи я спала в гостиной — Марк спал в спальне, я не попросила объяснений, объяснения мне были уже не нужны, — а на четвёртый день я собрала чемодан. Не от отчаяния. Просто у меня был в расписании вылет через шесть суток, и между этим вылетом и этой гостиной не помещалось ничего общего.

Он не мешал мне собираться. Сидел на кухне, и я слышала, как он открывает и закрывает холодильник, не доставая ничего. Лера из «гостевой» выехала в ту же ночь — «к сестре, мне нельзя нервничать», — и по квартире остался её запах, чужой крем и пирог, который она испекла «на дорожку» и который я выбросила в мусоропровод вместе с формой.

Ключи от квартиры я нашла быстро. Их было три. Два от двери, один от подъезда. Я сложила их на кухонный стол, пододвинула к Марку и сказала:

«Квартира на тебе. Я знаю. Так что это не жест, это бухгалтерия».

«Ник». — Он встал.

«Не надо. Я прилетела бы через шесть дней и вернулась бы через десять. Мне надо пожить там, где нет твоего крема для волос».

«Это мой крем... — он запнулся, — то есть, она пользовалась...» — и осёкся, поняв, что даже оправдание — признание.

Я потянула чемодан к двери. Он оказался тяжёлым — не от вещей, от обиды: вещи-то я взяла на три недели, а чем повела себя — на десять лет. В коридоре я присела на банкетку, чтобы переобуть кроссовки, и вдруг поняла, что руки не слушаются — шнурок не завязывается, пальцы как чужие. Так я и сидела, держа один конец шнурка, когда в дверь позвонили.

На пороге стоял Саид. С термосом. За его спиной, у подъезда, дымил его древний пикап с облезлым плюшевым медведем на торпеде, который он возил «для настроения экипажа».

«Мне Джамаль сказал, — сказал он вместо приветствия. — Что вы... из квартиры. Вероника Владимировна, я вам сейчас скажу одну вещь, только не спорьте».

«Саид...»

«Молча, — он прошёл в коридор, поставил термос на банкетку рядом со мной, взял мой чемодан — одной рукой, как термос. — В моём районе есть каптерка. Не каптерка даже — лётный клуб малой авиации, я там по выходным дяде помогаю, у него комнаты для стажёров. Чисто. Кондиционер. Вид на полосу».

«Я сниму отель, — сказала я. — Компания компенсирует, есть регламент...»

«Регламент, — Саид хмыкнул и посмотрел на меня сверху вниз, и было в этом взгляде что-то отцовское, от чего у меня в горле встал ком. — Вероника Владимировна. Вы вчера восемь часов прошлись по траверсу города пешком. Джамаль видел. Отель — это телефон на стойке в три часа ночи и чужие люди за стеной. А у дяди — самовар».

«У него что — самовар?»

«Порядочный. Ему двадцать лет, он раньше в цеху был».

Я засмеялась. Впервые за четыре дня — и сама испугалась звука собственного смеха, как испугываешься первого доклада после отказа прибора.

Марк в конце коридора стоял, прислонившись к стене, и смотрел. Я прошла мимо него с термосом, он не двинулся. Только у самой двери сказал тихо:

«Ник. Я тебя найду».

«Не надо, — сказала я. — У меня трансляция координат автоматическая. Авиадиспетчер, знаешь ли».

На заднем сиденье пикапа, среди инструмента и медведя, я открыла телефон — создать переписку на время, блок-лист, — и увидела сообщение от Леры. Отправлено час назад:

«Ник, я знаю, ты меня ненавидишь, и я понимаю. Но я правда не хотела так. Я лежу, мне плохо, врач запретил волноваться. Если захочешь поговорить — я всегда на связи. Обнимаю» — и ряд смайликов: сердечко, сердечко, плачущее лицо.

Я смотрела на это «обнимаю» секунду тридцать. Потом ответила — коротко, потому что даже злиться на неё по-настоящему не получалось, получалось только удивляться, как далеко может зайти человек, если ему всё прощать шесть лет:

«Не обнимай никого мой рейс, Лера. Лети к сестре. Врача слушай».

И добавила улыбающийся смайлик с языком — тот, что она сама мне всегда ставила. Пусть подавится.

Каптерка оказалась комнатой три на четыре с кроватью, столом, окном на рулёжную дорожку и фотографией на стене — дядя-хозяин в молодости у старого турбовинтового красавца. Пахло керосином, свежим бельём и чуть-чуть — тем самым двадцатилетним самоваром, который Саид с гордостью раздува́л на подоконнике.

«Вот, — сказал он, оглядываясь. — Скромно. Зато свет по утрам такой, что командиры позавидуют: солнце прямо в лобовое».

Я стояла посреди чужой комнаты с чемоданом, который нёс другой человек, и понимала, что мне тридцать один год, что десять лет назад у меня были жених, квартира, впереди — тяжёлый борт, а сейчас у меня есть комната в каптерке и самовар на подоконнике.

И тем не менее — и вот это было самое странное, — дышалось мне здесь легче, чем в той квартире последние три года. Я просто тогда не знала, что мне не хватает воздуха.

«Саид, — сказала я. — Спасибо. Завтра я верну...»

«Завтра, — перебил он, — завтра ты спишь до одиннадцати, потом ешь плов, потом идёшь смотреть, как я ругаюсь с заправщиком. Это расписание. Обжаловать некому, дядя не принимает жалоб».

Он ушёл. Я легла на чужую кровать в чужой подушке и долго слушала: вдалеке, по вечной своей привычке, училище гоняло курсантов на тренажёрах — гул моторов, обрывки радиообмена. Мой мир. Он никуда не делся. Развалился только один экипаж.

Перед сном я написала Лере одно слово — «почему» — и не отправила. Лежала с телефоном на груди, и слово светилось в темноте.

Почему, Лера. Мы же вместе держали газ в грозу.

Утром меня ждало то, чего я не просчитала: в семь ноль-ноль на почту упало предписание. Отдел лётной эксплуатации. Временное отстранение от полётов. «До выяснения обстоятельств конфликта в лётной столовой, повлиявшего на психологический климат экипажей».

Кто-то написал на меня рапорт. Я сидела на краю каптерской кровати, в ночной футболке, и читала канцелярский язык, который отнимал у меня единственное, что у меня осталось, — небо.

Снаружи, на полосе, взлетал учебный. Рёв, отрыв, набор.

А меня списали на землю.

Глава 4. Отстранена

Приказ висел в электронке с семи утра, а к десяти о нём знала вся школа. Не потому, что кто-то нарушил тайну переписки — потому что в нашей среде бумага летает быстрее борта: с секретариата в отдел, из отдела в диспетчерскую, из диспетчерской в столовую. К полудню, когда я пришла за справкой о часах налёта, мне уже уступали проход в коридоре, как уступают место человеку в трауре.

«Вероника Владимировна, — сказала секретарь Бахия, не поднимая глаз от монитора. Голос у неё был мягкий, и было видно, что ей неловко. — Справка будет готова к четырнадцати. И...» — она подняла глаза, — «комиссия по вашему делу — в пятницу, одиннадцать ноль-ноль, кабинет сто двенадцать».

«Комиссия по какому делу, Бахия? Какому именно?»

«По факту... — она замялась. — По факту конфликта, повлиявшего на безопасность полётов. Так в формулировке».

«Я посадила борт в грозу, — сказала я. — На моей памяти это называется "безопасность полётов", а не "конфликт"».

Бахия вздохнула и опустила глаза. И в этом вздохе, если разобраться, была вся моя следующая неделя.

Пятница. Кабинет сто двенадцать. Трое за столом: начальник отдела лётной эксплуатации, инспектор по безопасности, представитель профкома. И Лера — «по личной просьбе, как лицо, вовлечённое в ситуацию», — сидела сбоку, в свободной белой блузке, с бутылкой воды и печеньем, как больная на диспансеризации.

«Вероника Савельева, — начальник отдела, тучный человек по фамилии Керим, покашлял в кулак. — На вас поступило два рапорта. Один — о создании конфликтной ситуации в столовой. Второй, — он глянул на бумагу, — о систематическом превышении служебных полномочий командира в отношении второго пилота Гончаровой. "Давление, унизительный тон, перераспределение обязанностей на борту в личных целях"».

«В личных целях, — повторила я. — Керим-муаллим, я в грозу четыре часа вела борт. Обязанности перераспределялись по схеме: я — штурвал, Гончарова — газ. Это называется "работа экипажа"».

«Есть свидетельства, — ровно сказал инспектор по безопасности. Молодой, вежливый, с планшетом. — Товарищ Гончарова сообщила комиссии, что в последние месяцы налёт распределялся... несправедливо».

Вот тут я и поняла, что это не проверка. Это спектакль, и спектакль этот писали не в сто двенадцатом кабинете.

Я посмотрела на Леру. Она смотрела в стакан с водой, губы у неё были поджаты, пальцы — белые на бутылке. Художница. Шесть лет в моём правом кресле, и я не знала, что она умеет вот это: сидеть тихо и топить.

«Лера, — сказала я. — Скажи мне в лицо. При комиссии. Что я давила на тебя в кабине».

Она подняла глаза. В них стояли слёзы — настоящие, блестящие, готовые.

«Ника... — голос дрогнул. — Ты не понимаешь, что для меня значили эти полёты. Я боялась тебе сказать. Ты командир, ты... ты не выносила, когда переспрашивали твои решения. Я летала с тобой шесть лет и молчала, потому что ты — моя подруга. А потом всё это случилось, и мне сказали: говори правду. И я говорю правду».

Она перевела дыхание и добавила — тихо, глядя куда-то мимо меня, в стену:

«На четвёртом часу в грозу она трижды повысила голос. У меня потом была тахикардия. Я беременна, мне нельзя».

Тишина в кабинете была плотная, войлочная. Керим смотрел в бумаги. Инспектор стучал по планшету. Профсоюз смотрел в окно.

«Комиссия, — сказал я ровно, — я хочу, чтобы мои слова попали в протокол дословно. "Считаю рапорты заказными. Готова представить бортовые самописцы рейса четыре-двадцать-один и расшифровку радиообмена с диспетчерской службой. Весь экипаж работал по регламенту. Требую аудиозапись переговоров в кабине приобщить к делу"».

«Запись будет изучена», — кивнул инспектор, и я увидела, как по его лицу прошло что-то — может, уважение, может, скука.

«До решения комиссии, — подытожил Керим, закрывая папку, — вы отстранены от полётов. Приказ действует. Отпуск за свой счёт... то есть, — он поправился, — с сохранением базового оклада. Вопросы?»

Вопрос был один, и я задала его уже на выходе, в коридоре, догнав Леру у кулера.

«За что? — спросила я тихо. — Не за Марка. Это я могу понять — любовь такая любовь. За что именно? Что я тебе сделала? Конспект дала. Крыло дала. Когда у тебя мама болела — я отлетала твои смены три месяца подряд и никому не сказала. За что, Лера?»

Она смотрела на меня, и нижняя губа у неё дрожала, и я мгновение — одно мгновение — увидела за всем этим представлением настоящую Леру: растерянную, виноватую, страшно, до тошноты, испуганную. Но мгновение прошло, и она сказала — тихо, чтобы слышал только кулер:

«Ты всегда была лучше меня, Ника. Во всём. Двадцать лет я была твоей тенью. Терпеть это нельзя же всю жизнь».

И ушла, мягко ступая, как умеют уходить люди, которые уверены, что за ними уже стоят.

Я вернулась в каптерку к четырём вечера. Саид ждал с пловом и умелым притворным безразличием.

«Ну что, командир?»

«Командиров, — сказала я, садясь за стол, — больше нет. Есть Вероника Савельева, инструктор по теории на бумаге. На земле, Саид. Меня списали на землю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.